

*И. В. Демин**

**ИДЕЯ СЛУЖЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА
(Л. А. ТИХОМИРОВ и И. А. ИЛЬИН)****

В статье раскрыто значение идеи служения в философско-политических концепциях Л. А. Тихомирова и И. А. Ильина, сделан вывод о том, что «служение» может рассматриваться в качестве интегральной категории политической философии русского консерватизма. Показано, что религиозно-этическое начало служения становится у Тихомирова и Ильина отправной точкой для понимания не только природы монархической власти, но и сущности социального бытия как такового. Обоснован тезис о том, что в философско-политических концепциях Тихомирова и Ильина понятие «обязанность» обладает семантическим и аксиологическим приоритетом по отношению к понятию «право». Презумпция приоритета обязанностей над субъективными правами личности вытекает из признания служения в качестве всеобщего и определяющего начала социальной жизни.

Ключевые слова: идея служения, русский консерватизм, политическая философия Л. А. Тихомирова, власть, монархическая власть, монархическая государственность, философия И. А. Ильина.

I. V. Demin

**THE IDEA OF SERVICE IN THE POLITICAL PHILOSOPHY
OF RUSSIAN CONSERVATISM (L. A. TIKHOMIROV AND I. A. ILYIN)**

The article reveals the meaning of the idea of service in the philosophical and political concepts of L. A. Tikhomirov and I. A. Ilyin. It is concluded that “service” can be considered as an integral category of the political philosophy of Russian conservatism. It is shown that

* Демин Илья Вячеславович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»; ilyadem83@yandex.ru

** Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ»

the religious and ethical beginning of service becomes for Tikhomirov and Ilyin the starting point for understanding not only the nature of monarchical power, but also the essence of social life as such. The thesis is substantiated that in the philosophical and political concepts of Tikhomirov and Ilyin the concept of “duty” has a semantic and axiological priority in relation to the concept of “right”. The presumption of the priority of duties over the subjective rights of the individual follows from the recognition of service as the universal and defining principle of social life.

Keywords: idea of service, Russian conservatism, L. A. Tikhomirov’s political philosophy, power, monarchical power, monarchical statehood, I. A. Ilyin’s philosophy.

Рассмотрение консерватизма как самостоятельной идейной традиции, идеологической и даже мировоззренческой парадигмы (а не просто естественной реакции на политический радикализм) предполагает, что задача выявления сущностных характеристик и выработки интегрального понимания консерватизма должна ставиться и решаться не в ходе анализа и обсуждения политических лозунгов и партийных программ, а на уровне социально-философской рефлексии [подробнее см.: 2].

В статье ставится задача выявления и раскрытия определяющей характеристики, смыслообразующего звена русской консервативной социально-философской мысли. Данная задача решается преимущественно на материале философских и философско-публицистических работ Льва Александровича Тихомирова и Ивана Александровича Ильина. Большинство современных исследователей относят концепции Тихомирова и Ильина (при всем их различии) к консервативному направлению мысли, однако основания для такого отнесения во многом остаются непрояснёнными.

В большинстве случаев исследователи руководствуются размытым и усреднённым пониманием консерватизма. Термин «консерватизм» часто применяется для обозначения различных (зачастую весьма далёких друг от друга и даже взаимоисключающих) идейных установок и мировоззренческих позиций. Такая ситуация отчасти объясняется сложностью, неоднородностью и многогранностью консерватизма, однако констатация этого факта не должна быть препятствием для выработки интегрального понимания сущности данного феномена.

Гипотеза исследования состоит в том, что в русской социально-философской мысли центральным, смыслообразующим началом, позволяющим рассматривать консерватизм в качестве целостного социально-политического мировоззрения и самостоятельной идейно-политической традиции, выступает религиозно-этическое начало служения.

Несмотря на то, что социально-философские и политико-правовые воззрения Л. А. Тихомирова и И. А. Ильина неоднократно рассматривались отечественными исследователями [3; 4; 6; 18; 19; 20; 23; 26], вопрос о роли и статусе понятия служения в контексте отечественной традиции консервативной мысли специально не изучался.

1. ИДЕЯ СЛУЖЕНИЯ В РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ КОНЦА XIX В.

В контексте отечественной традиции консервативной политической мысли XIX в. понятие служения актуализировалось главным образом в связи с задачей обоснования монархической власти. Тезис о том, что сущностью всякой государственной власти (и в особенности власти монархической, самодержавной) выступает служение, весьма часто встречается в русской консервативной и религиозной публицистике последней трети XIX — начала XX в.

Так, И. С. Аксаков, один из главных теоретиков славянофильства, писал в 1883 г.: «При благословенном наследственном образе нашего правления Царь приемлет власть не своим честолюбивым или властолюбивым хотением, а по произволению Божьему, приемлет как бремя, как служение, как подвиг, Богом ему сужденный» [1, с. 263]. Такая трактовка власти как «служения Богу», как «бремени» (а не привилегии) своим острием была направлена против господствовавших в русской общественно-политической мысли этого периода либеральных и социалистических теорий государства.

С ещё большей отчётливостью данная мысль представлена в политической публицистике К. П. Победоносцева. В статье «Власть и начальство» (1896) теоретик «охранительного консерватизма» так характеризовал природу власти: «Великое и страшное дело — власть, потому что это дело — священное. Слово священный в первоначальном смысле значит: отделенный, на службу Богу обреченный. <...> Власть — не для себя существует, но ради Бога, и есть служение, на которое обречен человек. Отсюда безграничная и страшная сила власти, и безграничная, страшная тягость ее» [21, с. 184]; «Дело власти есть дело непрерывного служения, а потому в сущности — дело самопожертвования» [там же, с. 186]. В отступлении от такого понимания власти Победоносцев видел угрозу как для общества, так и для государства.

В работах Аксакова и Победоносцева (а также М. Н. Каткова и ряда других публицистов) уже вполне отчетливо проявляется характерный для политического языка русского консерватизма и во многом конституирующий его семантико-аксиологический ряд: «служение» — «бремя» — «самопожертвование». Однако понятие служения рассматривалось упомянутыми авторами по преимуществу в контексте обоснования и нравственно-религиозного оправдания монархического строя. Выход русской консервативной философско-политической мысли за пределы этого контекста связан с философскими исканиями Л. А. Тихомирова и особенно И. А. Ильина. В работах этих философов «служение» перестает быть лишь специфической характеристикой монархической государственности и монархического правосознания и приобретает статус интегральной категории политической философии.

2. ИДЕЯ СЛУЖЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Л. А. ТИХОМИРОВА

Детальное раскрытие и обоснование тезиса о власти как служении можно найти в работах Льва Александровича Тихомирова, которого по праву считают крупнейшим теоретиком монархии в России.

Через категорию служения Тихомиров раскрывает не только специфику монархической государственности, но и сущность власти как таковой, христианское понимание природы власти. «Власть, — писал русский философ, — воздвигается Богом для блага самих же людей» [24, с. 55], а потому подчиняться ей следует не только из страха, но и по совести. Будучи в исходном смысле *служением Богу*, в производном, вторичном отношении власть оказывается *служением на пользу подданным*. Христианство, как подчеркивал Тихомиров, «повсюду облакает всякую власть обязанностью известного служения на пользу подчиненным» [там же].

Важнейшее значение в философско-политической концепции Тихомирова, как известно, имеет различие понятий «верховная власть» и «власть управительная». Верховная власть едина, управительная же власть всегда функционально разделена, распределена (принцип «разделения власти», согласно Тихомирову, применим лишь к власти *управительной*, но никак не к власти *верховой*). Верховная власть является источником позитивно-правовых норм (и в этом смысле она стоит не только над законом, но и над государством); управительная же власть всегда функционирует в рамках существующей системы позитивного права [см.: 5; 22]. Не углубляясь в различия между двумя типами и уровнями власти, заметим, что и «верховная власть», и «власть управительная», осмысляются и интерпретируются Тихомировым *сквозь призму идеи служения*.

Служение Богу, как подчеркивал русский философ, есть *миссия* всякой власти [24, с. 56]. Эта миссия может осуществляться правителем *бессознательно* или *сознательно*, более осознанно или менее осознанно. Однако, независимо от того, как субъективно переживается факт власти, по самой своей природе власть является ничем иным, как служением. При этом подлинная природа и миссия власти в полной мере раскрывается, согласно Тихомирову, лишь в христианских монархиях: «Государь, будучи христианином, *сознательно принимает власть не иначе, как служение*, то есть как долг, обязанность» (курсив наш. — *И. Д.*). Однако и здесь всегда существует разрыв между действительностью и идеалом, поскольку монархическая идея, наиболее полно выражающая религиозно-этическую природу власти как таковой, подвергается искажениям со стороны двух других начал политической жизни — демократического и аристократического.

Провозглашая верховенство религиозно-нравственного начала в государственных делах, Тихомиров так описывал идеал истинной монархии: «Монарх — не деспот, не самовольная власть», он «руководствуется не своим произволом, и властвует не для себя, и даже не по своему желанию, а есть Божий Слуга, всецело подчиненный Богу на своей службе» [25, с. 121]. Из приведенной цитаты видно, что семантической (семантико-аксиологической) противополо-

ложностью «служения» выступают: «самоволие», «самозаконность», «произвол». Самодержавная власть не является неограниченным проявлением своеволия (личного произвола) монарха. Будучи последней (верховой) инстанцией для *подданных*, самодержавная власть не является таковой для *самой себя*.

Монарх, как неоднократно подчеркивал Тихомиров, несет в своем царствовании службу Богу, «подобно тому, как и каждый подданный, в своем долге семейном и общественном, исполняет известную малую миссию, Богом назначенную» [там же]. В рамках такой трактовки «служение» полагается уже не только в качестве характеристики монархической государственной власти, но как *всеобщее начало*, пронизывающее собой всю жизнь общества. Далее, в ходе анализа работ Ильина мы увидим, что в интенции служения находит выражение духовная природа общественной жизни как таковой.

Несмотря на то, что в политической философии Тихомирова «монархия», «аристократия» и «демократия» рассматриваются в качестве трёх равноисходных и «вечных» принципов и форм Верховной власти, русский философ далек от утверждения плюралистической модели политико-правовой жизни. Хотя Тихомиров и отмечал, что форма верховной власти (монархическая, аристократическая или демократическая) определяется духовным состоянием нации и, в свою очередь, выражает представления народа об общественном идеале, его концепция имеет скорее *монистический*, нежели *плюралистический* характер. В этой концепции принимается в качестве негласной предпосылки тезис о метафизической и религиозно-этической правоте монархической идеи. Монархия не просто является оптимальной и органичной для определённых социально-исторических условий и общностей формой организации верховной власти — она раскрывает универсальную сущность *власти как таковой*. Иными словами, обоснование монархической государственности носит у Тихомирова не прагматический и не социально-исторический, но метафизический и религиозно-этический характер. Монархическая идея в трактовке русского философа более полно, нежели идея демократическая или аристократическая, раскрывает духовно-религиозную природу власти и общественной жизни в целом.

Итак, в концепции Тихомирова власть (и верховная, и управительная) *есть* служение, и власть *должна субъективно переживаться* (и правителем, и подданными) как служение. Первый тезис раскрывает природу власти, второй — выражает всеобщий религиозно-этический идеал социальной и политической жизни. В первом случае антонимом к слову «служение» оказывается «своеволие» («произвол»), во втором — «привилегия», «исключительное право». Подлинная власть — не своеволие, но осуществление Божьей воли, не привилегия, но исполнение указанной Богом службы. Эти семантические (семантико-аксиологические) оппозиции («служение — своеволие», «служение — привилегия») присутствуют у Тихомирова на всех уровнях рассмотрения феномена власти и анализа монархической государственности.

Тезис о власти как служении содержательно конкретизируется Тихомировым в ходе интерпретации соотношения таких фундаментальных категорий социальной философии, как «право» и «обязанность».

Привычные термины «монархия», «аристократия», «демократия» в концепции Тихомирова указывают не только на формы верховной власти, но и со-

ответствующие этим формам *способы миропонимания, типы политического сознания и правосознания*. В зависимости от того, какое из трех начал политической жизни (монархия, аристократия, демократия) берется за основу, понятия «свобода», «право», «обязанность» получают различную интерпретацию. Наибольшее внимание Тихомиров уделяет различию между «демократическим» и «монархическим» типами мирозерцания и правосознания.

Признавая универсальный характер той общеизвестной истины, что нет прав без обязанностей и обязанностей без прав, Тихомиров показывает, что один из этих элементов (право или обязанность) всегда полагается в качестве *основного*, а другой — в качестве *производного*. В контексте «монархического» и «демократического» типов правосознания вопрос о соотношении прав и обязанностей решается диаметрально противоположным образом.

В доктрине классического либерализма, ориентированной на *демократическое* начало власти, отправной точкой и смыслообразующим началом выступает *право*. Право понимается как «юридическая формулировка тех полномочий, которые личность имеет в государстве и обществе для пользования своей свободой» [24, с. 107]. В «демократическом» политическом сознании и правосознании любая законодательно закрепленная обязанность всегда проистекает из субъективных прав личности, которые объявляются «естественными», «неотъемлемыми», «священными». В рамках этого типа сознания признаётся самоочевидным, что человек готов исполнять обязанности *только* из стремления сохранить свободу и реализовать свои правопритязания. «Здесь государственная обязанность принимается как уступка некоторой необходимой силе, хотя бы незловредной, но все-таки чужой» [там же, с. 108]. Иными словами, в политико-правовых доктринах, ориентированных на «демократическое» начало власти, утверждается аксиологический приоритет субъективного права над общественно-политической обязанностью: человек должен исполнять предписанные государством обязанности постольку, поскольку он обладает неотъемлемыми правами, стремится утвердить и реализовать свою свободу.

Монархическая верховная власть, в отличие от власти демократической, не является для личности внешней, посторонней силой. Монархия определяется Тихомировым как «власть собственного нравственного идеала личности» [там же, с. 110]. «Конкретный носитель верховной власти являлся облеченным ею от самого Бога, и *притом как обязанностью*» [там же] (курсив наш. — *И. Д.*). Если демократическая власть, согласно Тихомирову, есть власть количества, власть большинства, то монархическая власть квалифицируется как «власть идеала», «власть правды, а не силы» [там же].

Описывая монархическую идею и монархический тип правосознания, Тихомиров подчеркивал, что в рамках такого понимания власти «не могло быть никакого договора, никакой охраны своих прав, ибо верховная власть сама по себе являлась высшим выражением попечения Бога о мирских интересах людей, выражая собой то, что одинаково принадлежало и личности и нации, их общий нравственный идеал» [там же]. Иными словами, вся аксиоматика классического либерализма (общественный договор, необходимость механизма защиты личности от возможного «государственного произвола») признается здесь иррелевантной.

Политически неограниченная власть монарха не только не означает безответственности, напротив, она оказывается сопряжена с высшей и наибольшей ответственностью. Будучи в исходном и подлинном смысле *служением Богу*, в производном смысле власть монарха оказывается служением «национальному духу», поскольку монарх является выразителем и защитником религиозно-нравственного идеала народа. Самодержавная власть, не ограниченная *количественно*, является ограниченной *качественно*: «Царь ограничен содержанием своего идеала, осуществление которого составляет его долг» [25, с. 477]. Власть монарха, не ограниченная *политически* (права монарха не делегируются ему народом), оказывается ограничена *религиозно-этически*.

Нарушение обязанности служения Богу и идеалу духовной жизни своего народа уничтожает право монарха на власть: «Нарушение <...> обязанности уничтожает право, связанное с этой обязанностью» [там же]. Переставая воспринимать и осуществлять власть как служение, монарх «нравственно теряет право на власть» [там же]. Тихомиров не устает подчеркивать, что для монарха его власть есть *обязанность*, а не *право*. Забвение этого приводит к искажению монархической идеи, деградации монархической государственности.

В религиозно-этическом смысле власть самодержавного монарха ограничена не *правами* граждан, но их *обязанностью* в отношении Бога. Монархическая идея не знает никаких других прав подданных в отношении царской власти, кроме тех, «которые даются нашими обязанностями в отношении Бога» [24, с. 110]. «Повиновение верховной власти кончается только там, где она требует неповиновения Богу, то есть, другими словами, где она сама нарушает свою обязанность. Как у власти, так и у подданных право в основе определяется обязанностью» [там же]. В «монархической» оптике право мыслится как *право, данное для исполнения обязанности*, причём приоритет обязанности над правом равно характеризует политическое сознание и правосознание как монарха, так и его подданных.

Согласно Тихомирову, «право есть только формула условий, необходимых для исполнения обязанности» [там же]. Идея субъективных прав личности получает нравственно-религиозное оправдание лишь постольку, поскольку эти права необходимы для осуществления обязанности. «Я требую не своего права, а исполнения в отношении меня чужой обязанности. Если я в чем-либо должен не уступить, то опять именно должен; я охраняю не свое право, а исполняю обязанность. Эта точка зрения общая, основная. Право является лишь последствием обязанности и результатом взаимных обязанностей» [24, с. 111].

В свете монархической идеи личные и политические права утрачивают характер прирожденных, неотъемлемых, а тем более «священных». Они даны Верховной властью и должны осознаваться подданными именно в этом качестве. Права даны для того, чтобы исполнять обязанность (а не обязанность следует исполнять с тем, чтобы беспрепятственно пользоваться правами).

Признание обусловленного идеей служения приоритета обязанности над правом заставляет Тихомирова переосмыслить ряд значимых политико-правовых вопросов, категорий и ценностей. Такие привычные для либерально-прогрессистского миропонимания требования и политические ценности, как общественный контроль над действиями правительства, критика власти,

свободы печати, в консервативно-монархической оптике приобретают новые очертания. Так, контроль над управлением (не над верховной властью!) мыслится здесь не как *право* граждан, но как их *обязанность*. Аналогичным образом интерпретируется «свобода слова и печати», а также и все прочие требования, составляющие содержание политической программы классического либерализма. Даже право апелляции к верховной власти рассматривается Тихомировым как необходимое дополнение «обязанности служения Государю» [там же, с. 115].

Таким образом, выдвинутая классическим либерализмом идея неотъемлемых субъективных прав личности в контексте консервативно-монархического мировоззрения Тихомирова не отбрасывается, но получает иную трактовку, иное обоснование. Всякое субъективное право всецело обусловлено обязанностью, а первичная обязанность, равно характеризующая и монарха, и его подданных, есть *обязанность служения*.

3. ЖИЗНЬ КАК СЛУЖЕНИЕ (ВСЕОБЩИЙ ХАРАКТЕР ИДЕИ СЛУЖЕНИЯ В ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ И. А. ИЛЬИНА)

В работах Ивана Александровича Ильина идея служения и фундаментальная презумпция жизни как служения раскрываются не только в философско-политическом контексте, но и в контексте этического и философско-антропологического.

Всеобщий характер идеи служения отчетливо проявляется в работе «Аксиомы религиозного опыта». «Человек, испытывающий свое предстояние Богу, — писал Ильин, — <...> несет в себе живую волю к Совершенству. Поэтому дух можно было бы определить как *волю к Совершенству* — а также к совершенствованию — в самом себе, в своих деяниях и во внешнем мире <...> Верное отношение к Совершенству есть отношение *любви и служения*. Поэтому дух можно было бы описать, как способность к *бескорыстной любви и к самоотверженному служению*» [7, с. 33] (курсив автора. — И. Д.).

Понятие служения не случайно оказывается в одном ряду с фундаментальной для христианского миропонимания категорией *любви*. В текстах Ильина термины «служение» и «любовь» нередко соединяются. Обе категории, взаимно дополняя друг друга, раскрывают духовную природу человеческой жизни. Примечательно, что эпитеты, которыми наделяются «любовь» и «служение» в приведенной цитате, оказываются взаимозаменяемыми (любовь может мыслиться как «самоотверженная», а служение — как «бескорыстное»). В текстах русского философа «служение» часто сочетается не только с «жертвенностью» и «самоотверженностью», но и с «бескорыстностью». Подлинное — жертвенное и бескорыстное — служение невозможно без и вне любви, а любовь как духовное отношение и предметный опыт с необходимостью оказывается служением (Высшему). Этика любви и этика служения в трактовке Ильина не только не противоречат друг другу, но оказываются двумя сторонами одного и того же.

Всякий духовный опыт, в том числе и опыт, выражающийся в интенции служения, как подчеркивал русский философ, имеет *предметный* характер

[там же, с. 110–125]. Данный тезис не сводится к банальной констатации, что всякое служение на что-то направлено, является служением чему-то (кому-то). Имеется в виду другое: подлинный акт служения может быть направлен лишь на то, что *само по себе достойно служения*. Иными словами, духовный акт служения и его «интенциональный объект» должны онтологически соответствовать друг другу. Подлинное служение не может быть ничем иным, кроме как служением *высшему и самоценному* (Богу, безусловным ценностям, духу и т. д.). Служение какой-либо относительной, производной ценности не является служением в строгом смысле слова. Идеал здесь подменяется «идолом», а служение перестает быть бого-служением и становится «идолослужением», идолопоклонством. Данный мотив присутствует у большинства русских философов, связывавших свои духовные искания с христианством. В русской философской публицистике конца XIX — начала XX в. отчетливое звучание этого мотива слышится в работах В. С. Соловьева, П. И. Новгородцева и особенно С. Л. Франка.

Заслуживает внимания тот факт, что ни в одном из философских и публицистических текстов Ильина «народ», «общество», «благо большинства» не фигурируют в качестве *интенциональных объектов* служения. «Народ» не может выступать в качестве объекта *подлинного служения*, поскольку монарх мыслится как слуга *Бога*, а не *народа* и не *государства*. Монарх и народ пребывают внутри одной, общей для них *парадигмы служения*. Ильин, наряду с другими представителями отечественной консервативной мысли, уделял немало внимания критике и развенчанию «народничества» как значимой (если не определяющей) мировоззренческой установки русской интеллигенции, усматривал в «народобожии» и «народоверии» подмену, инверсию, опасный соблазн, проистекающий из непонимания предметного характера и духовной сущности служения.

Понятие «служение» Ильин связывает не только с присущей человеческому бытию «волей к духу», но и с такими значимыми философско-антропологическими категориями, как «призвание» и «судьба». «Вечная бесприютность, вечная жалоба, вечный протест» являются уделом человека до тех пор, пока он «не найдет своего призвания, своего органического места, своего служения, а потому и *счастья*: ибо на свете нет счастья вне служения и нет покоя в одиночестве» [14, с. 574] (курсив автора. — *И. Д.*). Человеческая жизнь, таким образом, связывается с *поиском и обретением служения*. Всякий человек призван к служению и именно в служении обретает своё достоинство. «Религиозное принятие своей судьбы, — писал Ильин в трактате «О сопротивлении злу силой», — есть тот основной героизм, к которому призван каждый из людей» [11, с. 282]. Речь идет не о принятии судьбы в смысле квиетизма, детерминизма или фатализма, а о «волевом жизненно-деятельном и религиозно-преданном принятии, которое *созерцает жизнь как служение*, освещает ее лучом призвания и вливает всю личную силу в религиозное служение этому религиозному призванию» [там же] (курсив наш. — *И. Д.*). Поскольку судьба человека «в том, чтобы в жизни на земле иметь дело с буйством неугворимого зла» [там же] и поскольку уклониться от этой судьбы нельзя, постольку для человека открываются только две возможности: или «недостойно отвернуться» от своей

судьбы и «недостойно изживать ее в слепоте и малодушии» [там же], «или же достойно принять ее, осмысливая это принятие как служение и оставаясь верным своему призванию» [там же].

В свете идеи служения Ильин переинтерпретирует не только категории призвания, судьбы, любви, но и такие важнейшие социально-философские и антропологические понятия, как «свобода», «право», «обязанность».

«Свобода духа, — писал русский философ, — дается человеку только для того, чтобы он освободил свою *волю* от злых влечений и созрел к *христианской свободе*, к свободе самостоятельного, ответственного, совестного служения Делу Божьему на земле» [13, с. 490] (курсив автора. — *И. Д.*). Подлинная свобода оказывается *свободой служения*, она обретается не иначе как в *служении*.

Начала субъективного права и нравственной обязанности, традиционно рассматриваемые в качестве равноисходных, в этической концепции Ильина не являются семантически равноправными. «Обязанность» обладает семантическим и аксиологическим приоритетом по отношению к правоприязанию, что особенно ярко проявляется в работе «О сопротивлении злу силой». Ильин не говорит о *праве* на пресечение зла, он подчеркивает религиозно-этическую *обязанность* такого пресечения. Препятствуя злу, человек «совершает не то, что ему практически запрещено, а то, что составляет его *практическую обязанность*», он «творит не грех, а несет служение» [11, с. 193]. «Всякий *обязан* сопротивляться и злопыхателю, и злодею, — сопротивляться инициативно и действенно, — сопротивляться и внутренним усилием, и внешним поступком, — сопротивляться не в злобу и в месть, а в любовь и служение. И обязанность эта у людей — взаимна» [там же, с. 160] (курсив наш. — *И. Д.*). Такое сопротивление не только не является изменой «Божьему делу на земле», но оказывается «верным и самоотверженным служением ему» [там же, с. 76]. Сопротивление злу силой, таким образом, получает нравственно-религиозную санкцию не как *право* личности, но как её *обязанность в деле служения*. Сопротивление злу оказывается нравственно оправданным постольку, поскольку осознается действующим субъектом в категориях призвания и служения.

4. ВЛАСТЬ КАК СЛУЖЕНИЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЛУЖЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ И. А. ИЛЬИНА)

В своей трактовке сущности государственной власти Ильин воспроизводит ряд положений, характерных для русской консервативной и монархической публицистики последней трети XIX в. Власть рассматривается им как «религиозно осмысленное служение» [там же, с. 214]. «Согласно древнему и глубокому воззрению, выношенному Православной Церковью, — писал Ильин, — люди, владеющие властью и мечом, владеют ими не в виде привилегии, а в виде религиозно осмысленного служения; это служение возлагает на человека особое бремя обязанностей и особое бремя ответственности» [там же]. Категория служения оказывается ключом к пониманию не только деятельности государственной власти, но и всей сферы политики: «Правильно понятая политическая

деятельность не только не исключает служения Богу, но, наоборот, является сама по себе достойным поклонением Ему “в духе и истине”» [12, с. 275].

Политика, согласно трактовке Ильина, есть прежде всего служение, а не карьера, не личный жизненный путь, не удовлетворение тщеславия, честолюбия и властолюбия [16, с. 450]. Примечательно, что кризис и падение монархии в России в 1917 году Ильин связывал с преобладанием «честолюбивой интриги над верностью и преданностью» [17, с. 341], с тем обстоятельством, что в сознании народа и элиты «монархизм служения» был вытеснен «монархизмом карьеры» [там же, с. 342].

Уже отмеченный нами мотив служения как высшего призвания и высшей обязанности личности с наибольшей полнотой раскрывается в рассуждениях Ильина об идеальном типе монарха: «Государь властвует. Но не потому, что он “властолюбив”, а потому, что он к этому призван и обязан: в этом его служение» [8, с. 550]. «В служении Государя нет “перерывов”: в каждую минуту своей жизни он несет все бремя своего служения и своей ответственности» [там же, с. 556]. Государственное и государево служение есть нечто противоположное властолюбию, стремлению к власти ради самой власти. Примечательны в этом отношении такие слова: «Государь, усвоивший свое призвание и всю полноту своей ответственности, начинает чувствовать себя *пленником*, а нередко и *мучеником* своего престола» [там, с. 558] (курсив автора. — И. Д.).

Не станем подробно рассматривать представленные в работах Ильина философско-политические аспекты служения. Здесь мы находим все те же семантические ряды («служение» — «бремя» — «ответственность») и оппозиции (власть — не привилегия, но обязанность, не «кормление», но служение и т. д.), что и в работах Победоносцева, Тихомирова и других теоретиков консерватизма и монархизма. Остановимся лишь на двух моментах: 1) понимание народа как органической духовной целостности; 2) обоснование аристократической природы государственной власти.

1. В своих философских и публицистических работах Ильин исходил из презумпции общества (народа, нации) как *органической целостности* и последовательно дистанцировался как от либерально-индивидуалистических, так и от марксистских (классово-антагонистических) трактовок социально-исторической жизни. При этом Ильин, как и большинство представителей русской религиозно-философской мысли, стремился соединить органическое понимание общества с укорененной в христианской традиции идеей духовной свободы и автономии личности.

Раскрывая природу политической (государственно-политической) деятельности, Ильин писал: «*Истинное политическое служение* имеет в виду не отдельные группы и не самостоятельные классы, но *весь народ в целом*. Политика по существу своему не раскладывает людей и не разжигает их страсти, чтобы бросить их друг на друга; напротив, она *объединяет людей* на том, что *им всем обще*» [10, с. 320] (курсив автора. — И. Д.). Политическая деятельность, понятая как *служение*, не сводится ни к поиску компромиссов, ни тем более к отстаиванию интересов одних социальных групп и классов в ущерб другим. Подлинное политическое служение *руководствуется презумпцией духовного единства народа* и в утверждении этого единства видит свою приоритетную

задачу. В этой связи Ильин прямо утверждает, что «народная жизнь *органична*», «каждая часть нуждается в остальных и служит им» [там же]; ни одна часть социального организма «не может и не смеет подавлять остальные, используя их безответственно» [там же]. Императив всеобщего служения в равной степени относится и к отдельным личностям, и к социальным группам, и к общественным институтам и учреждениям, а реализация этого императива предполагает понимание общества как «целостного духовного организма».

2. Утверждение служения в качестве высшего этического и политического принципа в концепции Ильина оказывается неразрывно связано с обоснованием тезиса об аристократической природе государства. «Во всяком государстве и при всяком строе, — писал русский философ, — *власть должна принадлежать лучшим людям*. По своей цели и по своему существу государство *аристократично*; вот аксиома, непоколебимая со времен Конфуция, Гераклита и Аристотеля» [12, с. 282–283] (курсив автора. — И. Д.). Критерий, на основании которого отбираются «лучшие», опять-таки задается принципом служения. Этот критерий — «способность к бескорыстному служению духу» [там же, с. 283].

Принцип служения в философско-политических работах Ильина становится важнейшим критерием, позволяющим отличать здоровые и жизнеспособные формы государственно-политической жизни и правосознания от больных, дефективных, вырождающихся. Так, монархический строй в отрыве от идеи служения деградирует и превращается в абсолютизм, деспотизм и тиранию. Ильин, вслед за Тихомировым и другими теоретиками монархии, исходил из того, что монархизм — не столько форма правления, сколько состояние и склад «народной души», присущий народу тип нравственного сознания и правосознания [см.: 9]. Забвение принципа служения (нерасторжимого единства властвования и служения) как *со стороны монарха*, так и *со стороны граждан* представляет, согласно Ильину, главную опасность для монархической государственности.

Руководствуясь презумпцией *жизни как служения*, Ильин переосмысляет ряд значимых социально-философских вопросов. Так, духовная жизнь народа предстает как «подлинное и живое Богу служение (богослужение!)» [15, с. 237]; семья определяется как союз, первичное «мы», возникающее «из любви и добровольного служения» [там же, с. 202]; патриотизм рассматривается в качестве «религиозно укорененной безусловной преданности и безусловной стойкости души в обращении к своему богослужащему народу» [12, с. 395–396], открывается в качестве способности человека «узреть себя и свой народ перед лицом Божиим, принять жизнь своего народа как служение Богу» [там же]. Русский философ писал о различных аспектах и видах служения: «хозяйственном служении», «государственном служении», «монархическом служении» и т. д. Таким образом, в работах Ильина специфика и духовная природа основных областей социальной и личностной жизни раскрывается сквозь призму понятия служения.

Подведем итог. В философских и философско-публицистических работах Л. А. Тихомирова и И. А. Ильина «служение» приобретает статус фундаментального мировоззренческого принципа, задающего специфически консервативный вектор понимания не только категории власти, но и сущности

социального бытия как такового. Раскрытие этико-аксиологического смысла понятия служения становится для Тихомирова и Ильина ключом к разрешению некоторых важнейших философско-правовых и социально-философских вопросов (природа государственной власти, соотношение категорий «право» и «обязанность»). В семантической оппозиции «право — обязанность» оба философа признавали приоритет «обязанности», а не «права», трактуя любые субъективные права личности как производные от всеобщей обязанности служения. Религиозно-этический концепт «служение» оказывается своего рода «точкой сборки», позволяющей реконструировать философско-политическую концепцию русского консерватизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И. С. Речь на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего // Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 258–266.
2. Дёмин И. В. Консерватизм границ: к вопросу об «общем знаменателе» различных типов консерватизма // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. — 2017. — № 3. — С. 29–42.
3. Евлампиев И. И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. — СПб.: Наука, 1998.
4. Евлампиев И. И. Иван Ильин. — СПб.: Наука, 2016.
5. Ермашов Д. В. Теория власти и государственности Л. А. Тихомирова // PolitBook. — 2012. — № 4. — С. 96–103.
6. Зернов И. Н. Иван Ильин. Монархия и будущее России. — Алгоритм, 2007.
7. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. — М.: АСТ, 2002.
8. Ильин И. А. О Государе // Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. — Париж, 1956. — Т. 1. — С. 547–559.
9. Ильин И. А. О монархии и республике // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. — М.: Русская книга, 1994. — Т. 4. — С. 415–544.
10. Ильин И. А. О политическом успехе (Забывтые аксиомы) // Иван Александрович Ильин. О воспитании национальной элиты / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — М.: Жизнь и мысль, 2001. — С. 316–327.
11. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. — Т. 5. — С. 31–220.
12. Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. — Т. 4. — С. 149–414.
13. Ильин И. А. Основы борьбы за национальную Россию // Иван Александрович Ильин. О воспитании национальной элиты. — С. 438–503.
14. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Религиозный смысл философии. — М.: АСТ, 2003. — С. 529–689.
15. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Религиозный смысл философии. — С. 85–340.
16. Ильин И. А. Путь к очевидности // Ильин И. А. Религиозный смысл философии. — С. 343–526.
17. Ильин И. А. Русскому народу необходимо духовное обновление // Иван Александрович Ильин. О воспитании национальной элиты. — С. 339–342.

18. Камнев В. М. Русская консервативная мысль XIX — начала XX века. Опыт типологии. — СПб.: Наука, 2012.
19. Кудрявцев В. К., Ширинянц А. А. Идеалы и политика: монархическая государственность Л. А. Тихомирова // Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки. — 2008. — № 6. — С. 45–50.
20. Лисица Ю. Т. Консервативная мысль Ивана Ильина // Иван Александрович Ильин. О воспитании национальной элиты. — С. 5–14.
21. Победоносцев К. П. Власть и начальство // Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. — М.: Русская книга, 1993. — С. 183–203.
22. Попов Э. А. Проблема верховной власти в политико-правовых доктринах Л. А. Тихомирова и Б. Н. Чичерина // Философия права. — 2005. — № 2 (14). — С. 14–17.
23. Смолин М. Б. Государственные идеи Льва Тихомирова // Тихомиров Л. А. Апология Веры и Монархии. — М.: Москва, 1999. — С. 5–18.
24. Тихомиров Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения. — М., 1897.
25. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. — М.: РОССПЭН, 2010.
26. Томсинов В. А. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2012.